

«Основатель и отец своей империи»: Вольтер о Ништадтском мире и имперском статусе России

С.А. Мезин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Цель статьи – выявление особенностей взглядов Вольтера на последний этап Северной войны, завершившийся Ништадтским миром, а также демонстрация специфики оценки великим просветителем Российской империи и её исторической роли. Автор выясняет, почему Вольтер, осуждавший увлечение историей королей и войн, в двух своих трудах – «Истории Карла XII» и «Истории Российской империи при Петре Великом» – уделил большое внимание Северной войне и участию в ней Петра I.

С точки зрения современных методов историографического анализа рассматриваются причины интереса французского историка к названной теме, «философская» основа его взглядов на войну и цивилизацию, особенности подачи исторического материала.

В статье показано изменение позиции Вольтера в трактовке военно-дипломатических сюжетов, затронутых сначала в истории Карла XII, а затем в истории Петра I. В центре внимания находится вопрос, который до наших дней остаётся дискуссионным: о причастности Петра I к заговору Гёрца–Альберони, нацеленному на полное изменение политического облика Европы. В конечном счёте историк XVIII в. пришёл к заключению, что царь использовал планы Гёрца как тактическое средство для решения собственных внешнеполитических задач. Эту точку зрения разделяют и многие современные историки.

Прямым следствием победоносного завершения Северной войны было провозглашение Петра I императором. Выяснено, что Вольтер нарисовал более оптимистическую картину признания императорского титула за русским царём, чем это было на самом деле. Особенность Российской империи, созданной Петром I, по мнению Вольтера, состояла в том, что это империя цивилизующаяся и распространяющая просвещение на соседние «варварские» народы.

Рассмотрение конкретных сюжетов приводит автора статьи к заключению, что большой выбор источников, умение критически оценить их, стремление сохранить известную независимость оценок при описании событий с разных сторон, приверженность исторической правде и талант писателя обеспечили трудам Вольтера высокую для своего времени степень достоверности и позволили им занять достойное место в мировой историографии петровской эпохи.

УДК: 327

Поступила в редакцию: 03.05.2022

Принята к публикации: 12.08.2022

Проделанная работа направлена на осуществление проекта, целью которого является первое полное научное издание «Истории Российской империи при Петре Великом» на русском языке.

Ключевые слова: Вольтер, Пётр I, Г.Г. Гёрец, дипломатия Северной войны, Ништадтский мир, Российская империя, история России

«История Российской империи при Петре Великом» Вольтера – один из знаковых трудов просветительской историографии, воплотивший в себе представление о том, кто должен быть героем исторического сочинения и как должна писаться история. Это одна из первых и самая известная в XVIII в. биография Петра I. В ней царь представлен как «творец новой нации», «основатель и отец своей империи», герой века Просвещения, но отнюдь не в качестве идеала просвещённого монарха, ибо в глазах Вольтера он был деспотом, а понятие «просвещённый деспот» (*despote éclairé*) было неприемлемо для философа.

Написанная по заказу русского правительства в 1757–1763 гг. «История Российской империи» Вольтера выходила в XVIII в. на многих европейских языках 42 раза (Voltaire 1999: 349, 372)¹, получила мировую известность, но не была издана в России до начала XIX в. Её единственная публикация на русском языке, осуществлённая в 1809 г., не была полной и давно устарела. Сегодня имеется образцовое издание «Истории» на языке оригинала в составе оксфордского Полного собрания сочинений Вольтера, подготовленное Мишелем Мерво и вышедшее в 1999 г. В настоящее время мною в сотрудничестве с М.В. Ковалёвым и А.Е. Кулаковым готовится полный перевод и научное издание вольтеровской «Истории» на русском языке. Работа над её текстом убеждает в том, что Вольтер отводил в ней существенное место военно-дипломатическим сюжетам.

Тема войны в трудах Вольтера

Как известно, просветитель осуждал увлечение историков описанием жизни монархов и бесчисленных битв². Историю королей и войн он предлагал заменить историей народов и нравов, что попытался осуществить в многотомном «Опыте о нравах и духе народов». Однако сам он написал ряд историй монархов, причём в двух из них, посвящённых Карлу XII и Петру I, находят широкое освещение события Северной войны. Свой выбор Вольтер оправдывал тем, что

¹ Voltaire. *Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. Éd. critique par M. Mervaud, avec collaboration de U. Koelving, C. Mervaud, et A. Brown. Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1999. Т. 46–47 (далее – V 46–47). P. 349–372.

² См.: Voltaire. *Histoire de Charles XII*. Éd. critique par G. von Proschwitz. Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford, 1996. Т. 4 (далее – V 4). P. 151–155.

биографии этих государей поучительны: история Карла должна излечить монархов от «безумия завоеваний», а история Петра даёт пример царя-созидателя, умевшего быть «основателем и творцом посреди самых трудных войн».

Таким образом, тема войны привлекала Вольтера, но он никогда не восхищался этим неизбежным злом человеческой истории; об этом особенно ярко свидетельствуют антивоенные строки повести «Кандид», написанные в то время, когда автор трудился над историей Петра I. Философ утверждал, что две сотни батальев, произошедших в Европе за первую половину XVIII в., потребовали огромных средств и жертв, но за исключением Полтавской битвы никому не принесли пользы³. Война – «дьявольское предприятие, заставляющее сомневаться в добродетельности человеческой природы», но великие правления всегда окружены ореолом военной славы⁴. И правление Петра I, который вёл четыре войны – не исключение. В истории Петра I автору приходилось описывать события Северной войны во второй раз, уже с русской стороны. Подчас это приводило к изменению оценок «в нашу пользу» (Мезин 1999: 107–109).

Пётр отнюдь не предстаёт в «Истории» мирным монархом, которого приносят в жертву его агрессивные соседи. Вольтер не скрывал стремления Петра к завоеваниям: континентальная страна нуждалась в выходе к морю. При этом царь характеризовался как осторожный политик, не лишённый военных амбиций, но воюющий не ради личной славы, а ради блага своей страны и цивилизации своего народа.

Вольтер остался верен себе в том, что не останавливался подробно на деталях битв и осад городов. «Не думаю, – писал он И.И. Шувалову 7 августа 1757 г., – что надо распространяться о подробностях войн, если только эти подробности не служат для характеристики чего-нибудь великого и полезного»⁵. Победы Вольтер описывал без всякой бравурности и блеска, уделяя главное внимание подробному анализу их последствий, а также интригам кабинетной дипломатии⁶. Пётр, в изображении Вольтера, проявляет воинственность и упорство в войне, но умеет использовать благоприятную конъюнктуру в своих интересах. Результаты противостояния России со Швецией были достигнуты не только военной силой, но и активной и осмотрительной дипломатией, что и привело к замечательному Ништадтскому миру.

Собственно Ништадтскому миру в «Истории Российской империи» посвящено два абзаца. Для Вольтера мирный договор 1721 г. – это логическое завер-

³ V 46. P. 688.

⁴ *Dictionnaire général de Voltaire*. 2003. Sous la direction R. Trousson et J. Vercruysse. Paris. P. 559–560.

⁵ Voltaire. *Correspondence and related documents*. Definitive edition by Theodore Besterman. Oeuvres complètes de Voltaire. Oxford: Voltaire Foundation, 1968–1977. T. 85–135 (далее – Best. D с указанием номера), №7336. Здесь и далее перевод с французского автора статьи.

⁶ Трудно согласиться с утверждением Т.Н. Гончаровой, что «дипломатия периода Северной войны не получила достаточного освещения на страницах книг Вольтера, так как автор слишком поглощён описанием битв» (Гончарова 2007: 46).

шение последнего этапа Северной войны, начавшегося в 1716 г. после несостоявшегося десанта союзников в южную Швецию (Сконе) и фактического распада Северного союза. Автор внимательно вникал в суть военно-дипломатических комбинаций, которые в конечном счёте привели к заключению мира. Проследим за мыслью великого писателя и историка.

«История Карла XII»: «непрямые пути» Петра I к миру

Впервые этих сюжетов Вольтер коснулся в «Истории Карла XII», где Северная война была лейтмотивом, но её описание обрывалось со смертью главного героя в конце 1718 г. На заключительном этапе войны, по словам автора, «весь блеск и счастье Карла перешли к царю: и он употребил их с большей пользой, чем его соперник, так как все свои успехи он обращал на благо своей страны... Его владения обогащались его победами, потому из всех завоевателей он более всего заслуживает снисхождения»⁷. Новый авантюрный поход Карла в Норвегию, казалось, открывал возможность его врагам совершить успешный десант в Швецию. Однако на удивление всей Европы «царь пребывал в бездействии и не сделал высадки в Швецию, как это было им условлено с союзниками»⁸. Как видим, автор возлагал на Петра ответственность за срыв десанта, что не бесспорно (Баггер 2017: 78), а в качестве причины такого поведения называл план Гёрца, ставшего к этому времени любимцем Карла XII.

Барон Георг Генрих фон Гёрц (Georg Heinrich von Görtz, baron von Schlitz, 1668–1719), сделавший карьеру при Голштинском дворе, в 1715 г. поступил на службу к Карлу XII и оказывал на него большое влияние. Вольтер называл его первым министром короля, но он таковым официально не был, хотя определял внутреннюю и внешнюю политику Швеции в последние годы правления Карла.

Вольтер в молодости был лично знаком с Гёрцем, и его характеристика этого авантюриста отнюдь не однозначна: барон наделён недюжинными талантами, изворотлив и смел, находчив, деятелен, а его план «по своей широте и ... по трудности исполнения едва ли когда-либо зарождался в человеческом воображении»⁹. Позже, в «Истории» Петра, Вольтер поставил его в один ряд с величайшими политиками Европы: «Мы видели, как такие первые министры великих держав, как Оксеншерн, Ришелье, Альберони приводили в движение часть Европы, но то, что тайный советник епископа из Любека сделал столько же, не будучи никем признанным, – вещь неслыханная»¹⁰.

Гёрц ясно видел, утверждал Вольтер, что между царём и союзниками зреет конфликт, основой которого было стремление царя приобрести владение в

⁷ V 4. P. 499.

⁸ Ibid. P. 516.

⁹ Ibid.

¹⁰ V 47. P. 711.

Германии, где «этот монарх, ставший теперь весьма опасным, только и хотел утвердиться». План Гёрца состоял в том, чтобы «купить мир у русского царя какой бы то ни было ценой» и, объединив силы Петра и Карла, заставить дрожать остальную Европу¹¹. Частью этого плана было свержение с английского трона Георга I, курфюрста Ганноверского, в пользу Якова III Стюарта. Вольтер полагал, что Гёрц, действовавший через царского врача Роберта Арескина, добился одобрения Петром этого плана. По мнению голштинского дипломата Г.Ф. Басевича, русский царь был осведомлён о планах Гёрца ещё до своего отъезда в Европу в начале 1716 г. (Записки о России 1886: 56, 62). Современный исследователь указывает, что барон вступил в тайные переговоры о мире с русским двором в октябре 1716 г. (Стерликова 2007: 67).

В «Истории Карла XII» автор ошибочно утверждал, что Гёрц дважды виделся в Гааге с Петром и в начале 1717 г. и много успел достичь¹².

Когда англичане, обнаружив переписку барона Гёрца со шведским послом в Лондоне, раскрыли эти планы, Пётр заявил английскому королю о своей непричастности к заговору. На самом деле он вскоре вновь встретился с Гёрцем, который «более чем когда-либо успел склонить его на свою сторону» и предложил срочно заключить мир со Швецией, обещая уступить ему Карелию, Ингерманландию и Ливонию и предлагая царю брак его дочери Анны с герцогом Голштинским. Следствием этой встречи было открытие переговоров между Россией и Швецией на одном из островов Аландского архипелага¹³.

По словам Вольтера, из позже опубликованных бумаг Гёрца стали известны предварительные условия договора: царь получает всю Ливонию и часть Ингерманландии и Карелии; русские войска помогают Станиславу Лещинскому восстановиться на польском престоле; царь предоставляет Карлу корабли для десантов в Англию и Ганновер, русские и шведы совместно действуют в Ганновере против английского короля и принуждают короля прусского вернуть часть владений герцогу Голштинскому¹⁴. Гибель Карла XII в Норвегии и казнь Гёрца в Стокгольме не позволили осуществить эти планы.

Примечательно, что Вольтер противопоставлял энтузиазм, с которым Пётр отнесся к проектам Гёрца, сдержанности «канцлера» А.И. Остермана¹⁵, стремившегося добиться более выгодных для России условий мира.

Как видим, в «Истории Карла XII» Вольтер последовательно проводил мысль о причастности Петра I к заговору Гёрца: царь, настроенный против своих союзников, искал пути к миру, но эти пути были далеко не прямыми.

¹¹ V 4. P. 519.

¹² Ibid. P. 525.

¹³ Ibid. P. 531.

¹⁴ Ibid. P. 535.

¹⁵ Вольтер называет Остермана канцлером, что неверно, но фактически он руководил переговорами с русской стороны, хотя формально руководителей было два – Остерман и Брюс.

Пётр I и план Гёрца в «Истории Российской империи»

В «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтеру пришлось освещать завершающий этап Северной войны, глядя на события с позиции России. Привело ли это к пересмотру фактов и оценок?

Явное охлаждение отношений между Петром I и его союзниками было, по словам Вольтера, «первым источником» плана Гёрца по заключению мира между царём и Карлом XII. Царь принимал аргументы Гёрца («le czar entrait dans ses vues»¹⁶), ибо для него политические выгоды были важнее войны. Однако, давая в следующей главе подробное описание планов Гёрца, который хотел «встряхнуть Европу», сблизив Петра с Карлом и вступив в союз с фактическим правителем Испании кардиналом Альберони, сместить королей Англии и Польши, а также регента Франции, и перекроить Германскую империю, автор осторожнее утверждал, что царю «было известно о части дел Гёрца», и он «ждал их развития, не входя ни в один из его планов и не зная их всех»¹⁷. Вопреки своему прежнему утверждению в «Истории Карла XII», Вольтер уточнял, что в начале 1717 г. в Гааге царь не встречался с Гёрцем, не желая себя компрометировать, а царские министры встречались с уполномоченным шведского короля «тайно, с самыми большими предосторожностями, получив приказ выслушивать всё и вселять в него надежду, не беря никаких обязательств и не компрометируя царя»¹⁸.

На этот раз автор «Истории» стремится дистанцировать своего героя от авантюры, утверждая: «Посреди стольких тревог и распрей Пётр ни во что не вмешивался и всё время выжидал»¹⁹.

О заговоре Гёрца Вольтер повествует как очевидец: «Автор этой истории так хорошо знает об этих планах, поскольку Гёрц предложил ему сопровождать себя в путешествии, и, будучи совсем молодым в то время, он стал одним из первых свидетелей большей части этих интриг»²⁰. Вольтер не упоминает о встрече Петра с Гёрцем в августе 1717 г. в замке Лоо в Голландии (Вагеманс 2013: 185), он лишь отмечает, что барон открыто встретился тогда в Гааге с министрами царя и объявил им, что уполномочен заключить мир со Швецией, что открывало путь к мирным переговорам. В данном случае Вольтер очень осторожно характеризовал позицию Петра I как в отношении планов Гёрца, так и в отношении союзников: «Царь оставил Гёрца со всеми его затеями, не касаясь их. Он был готов заключить мир со шведским королём, но также проявлял готовность продолжать войну в союзе с Данией, Польшей, Пруссией и даже для видимости

¹⁶ V 47. P. 790.

¹⁷ Ibid. P. 798.

¹⁸ Ibid. P. 799.

¹⁹ Ibid. P. 803.

²⁰ Ibid. P. 797–798.

с ганноверским курфюрстом. Очевидно, что у него не было определённого плана, кроме того, чтобы действовать по обстоятельствам»²¹.

Пятнадцатая глава «Истории Российской империи» посвящена завершающим годам Северной войны, Аландским переговорам и Ништадтскому миру. Она открывается новым описанием планов Гёрца и Альберони, желавших изменить лицо Европы:

«Несомненно, что в 1717 г. кардинал Альберони, премьер-министр испанского короля Филиппа V, и барон Гёрц, овладевший умом Карла XII, хотели изменить облик Европы, объединив Петра с Карлом, свергнув английского короля Георга I, восстановив Станислава в качестве польского короля, в то время как Альберони предоставил бы своему повелителю Филиппу регентство Франции. Гёрц, как мы видели, поведал об этом самому царю. Альберони вступил в переговоры с послом царя в Гааге князем Куракиным при посредничестве испанского посла мантуанца Беретти-Ланди»²². На этот раз Вольтер словно забыл, что ранее он скрыл факт личной встречи царя с доверенным агентом Карла XII.

С планом Гёрца Вольтер связывает изменение военной тактики Петра: с 1716 г. царь вёл лишь «незначительные действия против Швеции, скорее для того, чтобы принудить её купить мир ценой уступки завоёванных им провинций, чем для завершения её разгрома»²³.

Вновь, как и в истории шведского короля, Вольтер утверждает, что открытие Аландского конгресса было результатом действий Гёрца, который и возглавил шведскую делегацию на конгрессе. Царь продолжал небольшие военные действия, чтобы принудить Швецию к миру и обеспечить более выгодные условия. Происходил обмен высокопоставленными пленниками. Автор ошибочно утверждает, будто шведы предложили царю приобрести Мекленбург²⁴, где уже находились русские войска. Предполагалось заключить не только мир, но и наступательный союз между Россией и Швецией, направленный в первую очередь против английского короля Георга, бывшего одновременно курфюрстом Ганноверским.

Далее Вольтер констатирует, что «пуля, случайно выпущенная с бастионов Фредрикстена в Норвегии, спутала все планы. Карл XII был убит, испанский флот разбит англичанами, зарождающийся во Франции заговор раскрыт и подавлен. Альберони изгнан из Испании, Гёрц обезглавлен в Стокгольме»²⁵.

²¹ V 47. P. 814.

²² Ibid. P. 902.

²³ Ibid. P. 903.

²⁴ На Аландском конгрессе обсуждалась возможность передачи Мекленбурга Швеции с компенсацией герцога Карла-Леопольда в другом месте (Фейгина 1959: 247).

²⁵ V 47. P. 906.

«Самый почётный и самый полезный мир»

Вольтер полагал, что в этой ужасной ситуации единственным, кто сохранил могущество, был царь. Он действовал осторожно, ничем себя не скомпрометировал и мог диктовать законы своим соседям. Новое шведское правительство пошло на союз с Англией и пригласило флот адмирала Норриса на Балтийское море для оказания давления на Петра I и достижения более выгодных условий мира на продолжавшемся Аландском конгрессе. Это силовое давление, однако, не принесло желаемых результатов. Русский флот смело действовал на Балтике, одержал победы у островов Эзель (1719) и Гренгам (1720), совершил ряд опустошительных десантов на территорию Швеции. Угрозы английского флота оказались несостоятельными: «Кажется, англичане делали слишком много, если они были лишь посредниками, и слишком мало, если они действовали как враги»²⁶. Эскалация военных действий привела к остановке переговоров. Но вскоре шведам пришлось просить перемирия и при посредничестве Франции начать переговоры в Ништадте. Мир был заключён по воле царя, «ему уступили навечно всё, что он завоевал», и он «остался признанным государем Ливонии, Эстонии, Ингрии, Карелии, Выборгской области и соседних островов, которые обеспечивали ему господство на море»²⁷. О выплате Швеции 2 миллионов рейхсталеров в качестве компенсации за потерянные территории Вольтер не упоминал.

Французский историк приводил строки из радостного письма Петра Брюсу и Остерману, написанного 10 сентября 1721 г. сразу после знакомства с текстом договора, подчеркнув мысль Петра о том, что трактат составлен ими так, словно он сам его писал: «Вы составили договор так, словно мы сами его писали и вас послали его подписать к шведам; это славное событие навсегда останется в нашей памяти»²⁸. Другие мысли царя, выраженные в этом письме, в частности, о Северной войне как о «троевременной жестокой школе», и о том, что никогда Россия такого полезного мира не получала (Соловьев 1993: 302), не привлекли внимания Вольтера. Знаменитый французский автор был первым западноевропейским историком Петра I, использовавшим оригинальные русские источники. Однако во французском пересказе письма царя теряли свою выразительность и афористичность.

Таким образом, в «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтер не отказался от идеи, что исходной точкой мирных переговоров были планы Гёрца. Однако историк показал, что здравый смысл русского монарха, его осторожность, стремление дистанцироваться от заговора и в то же время умение пользоваться обстоятельствами привели к тому, что Пётр I стал арбитром

²⁶ Ibid. P. 909.

²⁷ Ibid. P. 910.

²⁸ Ibid. P. 911.

Севера, диктующим законы своим соседям. Талантливые авантюристы Гёрц и Альберони могли строить головокружительные планы и развивать невероятную активность, но они действовали в собственных интересах и зависели от случая, царь же всегда думал о пользе своего отечества, действовал обдуманно, исходя из реальной ситуации. Этим он отличался и от Карла, которому нужен был блеск военных побед. Благодаря Петру Россия превратилась в важный фактор политического равновесия в Европе, которое Вольтер считал желанной нормой европейской политической жизни.

Значение Ништадтского мира виделось Вольтеру в том, что, успешно решив внешнеполитические проблемы, царь мог целиком посвятить себя «преобразованиям своей империи, уже так хорошо начатым, и в мирных условиях привести к процветанию искусства и коммерцию, введенные с большим трудом его заботами»²⁹. Автор подчёркивал, что население более всего радовалось именно окончанию войны и объявленным по этому поводу амнистии и прощению недоимок.

Война, империя, цивилизация

Прямым следствием победоносного завершения Северной войны было провозглашение Петра I императором. Во время празднеств по поводу мира «Сенат и Синод присвоили Петру титулы *Великого, Императора и Отца отечества*. Канцлер Головкин произнёс речь в кафедральной церкви от имени всех сословий государства. Сенаторы затем прокричали три раза «*Да здравствует наш Император, Отец наш*», и эти восклицания были повторены народом»³⁰.

Следующая фраза Вольтера как будто говорит о немедленном признании императорского титула Петра европейскими дипломатами: «В тот же день его поздравили послы Франции, Германии, Польши, Дании, Голландии, именуя его титулами, которые ему только что преподнесли, и признавая императором того, кого уже публично называли в Голландии этим титулом после Полтавы»³¹. Действительно, этот титул с молодых лет применяли к Петру I в европейских печатных изданиях и в неофициальном общении. Это было настолько распространено, что во время визита Петра I во Францию в 1717 г. Министерство иностранных дел Франции распространило специальную записку, в которой подданным короля запрещалось называть русского гостя «Императорским Величеством» (Мезин 2017: 105). Далее Вольтер уточнял, что придворные канцелярии, для которых этикет был важнее славы, не сразу ввели в употребление этот почётный титул, но вскоре «Пётр был признан императором всей Европой за исключением Польши, всегда раздираемой распрями, и папы, одобрение

²⁹ V 47. P. 911.

³⁰ Ibid. P. 911–912.

³¹ Ibid. P. 912.

которого стало совершенно бесполезным с тех пор, как Римский двор потерял доверие по мере просвещения народов»³². Вольтер нарисовал более оптимистическую картину признания императорского титула за русским царём, чем это было на самом деле. Как известно, при жизни Петра I его новый титул был признан лишь Пруссией, Голландией и Швецией. Позже этот шаг в отношении российских монархов сделали Дания (1732), Великобритания (1742) и Священная Римская империя (1742). Вольтеру было хорошо известно, что в 1745 г. Франция признала императорский титул Елизаветы Петровны, но он не мог знать, что французский двор отказывался признавать императорский титул за Екатериной II в начале её правления (Черкасов 1995: 291, 302). Даже петербургские академики, нещадно критиковавшие Вольтера за малейшее посягательство на политический престиж России и её монархов, на сей раз вынуждены были уточнить, что императорский титул был признан всеми державами только в царствование Елизаветы Петровны (Шмурло 1929: 469).

Вольтер не раз повторял, что положительный смысл завоеваний и побед Петра I состоял, прежде всего, в том, что они давали возможность цивилизовать самую большую в мире страну. Таким образом, как заметил Джон Иверсон, Вольтер «придаёт смысл насилию; он включает войну и кровь в историю прогресса цивилизации» (Iverson 1997: 1421). «Чем более я вижу сегодня опустошающие военные кампании, обезлюдившие области, граждан, сделавшихся несчастными из-за войны, которую можно было избежать, тем более я люблюсь человеком, который даже посреди войны был основателем и законодателем и который заключил самый почётный и самый полезный мир»³³, – писал историк И.И. Шувалову 19 сентября 1761 г.

Единственная империя, признанная в Европе на начало XVIII в. – это Священная Римская империя германской нации, основанная на римской традиции. Титул императора, по словам Вольтера, «присуждается по обычаю германскому императору как королю римлян»³⁴. У Российской империи, созданной Петром I, другой исток и особый статус. Она родилась из завоеваний, но её смысл и оправдание, по логике Вольтера, в том, что это империя, цивилизующаяся и распространяющая просвещение.

Заявлявший о своей приверженности к миру и созиданию, Вольтер не высказывал сомнения в необходимости и целесообразности такой имперской акции царя, как Персидский поход 1722–1723 гг. По словам историка, Пётр при этом думал об изучении и освоении берегов Каспийского моря, об обогащении своей страны за счёт перенаправления персидской и индийской торговли. В описании Персидского похода Вольтер сравнивал Петра с Александром Маке-

³² Ibid.

³³ Best. D 10031.

³⁴ V 47. P. 912.

донским. Просветитель при этом делал акцент не на завоевательной, а на созидательной деятельности монархов, наводивших экономические и культурные мосты между Западом и Востоком: «Вот почему я бы осмелился сравнить Петра Великого с Александром, ибо он был так же активен, так же любил полезные искусства, более прилежающий к законодательству, он, как и тот, хотел переменить мировую торговлю и подобно Александру построил или обновил столько же городов»³⁵. Таким образом, России отводилась цивилизующая роль в отношении вновь завоёванных юго-восточных земель и живших там кочевых народов, а также в отношении народов Сибири.

В качестве особенностей Российской империи Вольтер неоднократно отмечал её громадную территорию и быстроту её преобразования. Он был буквально загипнотизирован громадными размерами страны и часто упоминал «империю протяжённостью 2 тысячи льё, о которой едва было слышно пятьдесят лет назад»³⁶. «Пётр I правил до своей смерти огромной территорией от берегов Балтийского моря до южных берегов моря Каспийского»³⁷. Вольтер вывел своеобразную «формулу России»: «Русские явились поздно и, вводя у себя вполне усовершенствованные искусства, они достигли бóльших успехов за пятьдесят лет, чем другая нация могла достичь сама по себе за пятьсот лет»³⁸. Впрочем, просветитель не был первым, кто писал, что Россия при Петре продвинулась на пятьсот лет³⁹.

Благожелательный тон Вольтера, подчас переходивший в откровенную лесть в адрес российских монархов и вельмож, не исключал трезвого взгляда на реальное положение дел в России, на трудности и недостатки её цивилизации. Одно из препятствий в этом деле виделось Вольтеру в многообразии населявших её народов, стоящих на разных уровнях культуры: «Когда народы так смешиваются, требуется много времени, чтобы их цивилизовать, и даже, чтобы сформировался их язык: одни просвещаются быстрее, другие позже. Просвещение и искусства водворяются так трудно, перевороты так часто разрушают начатое здание»⁴⁰. Другая трудность крылась, по его мнению, в культурной неоднородности общества, лишь верхний слой которого воспринял блага европейской цивилизации. Наконец, Вольтер считал, что огромная территория при низкой плотности населения также осложняет ход прогресса: «Чтобы сделать Россию такой же населённой, обильной, покрытой городами, как наши полу-

³⁵ Ibid. P. 923–924.

³⁶ Best. D 7349, 7412, 8363, 8898, 9717 и др.

³⁷ V 47. P. 928.

³⁸ V 46. P. 480.

³⁹ Возможно, слова Вольтера были вдохновлены высказыванием хорошо известного ему Дж. Перри: «Царь старался показать народу, что все изменения русских обычаев и преобразования должны действительно принести со временем пользу, и что когда это делается вдруг, то это нисколько не вреднее того, когда оно совершается в течение 500 лет» (Перри 1870: 153–154).

⁴⁰ V 46. P. 479.

денные земли, потребуются ещё целые века и такие же государи, как Пётр Великий»⁴¹. В этих словах выразился скепсис просветителя в оценке уровня цивилизации современной ему России.

**«Достоверные документы... только на их основании
была создана эта книга»**

Имеющиеся в моём распоряжении материалы проливают свет на некоторые аспекты работы Вольтера с источниками. Военно-дипломатическая история Северной войны была широко представлена в современной ей европейской прессе и в появившихся затем компилятивных трудах и сборниках. Французский историк пользовался материалами 12-томного сборника Гийома де Ламберти «Записки, служащие для истории XVIII века» (Амстердам, 1724–1734, т. 1–12)⁴². Этого швейцарского автора, дипломата, шпиона и журналиста Вольтер характеризовал как самого беспристрастного и точного, «который ограничивался сообщением оригинальных и подлинных документов, касающихся европейских дел»⁴³. Пожалуй, ещё чаще Вольтер черпал материал из четырёхтомных «Записок о царствовании Петра Великого» Жана Руссе де Мисси (псевдоним Иван Нестесураной)⁴⁴, в которых представлены документы об отношениях Петра I с союзниками, о планах Гёрца и Аландском конгрессе, о заключении мира. Однако великий француз не уставал третировать этого автора первой посмертной биографии Петра I как литературного мошенника и продажного писателя⁴⁵.

Вольтер высоко ценил и часто использовал записки голштинского дипломата и государственного деятеля графа Геннинга Фридриха Бассевича, рукопись которых ему удалось получить во время работы над историей Петра I⁴⁶. Рассмотренные выше дипломатические сюжеты были изложены Вольтером под заметным влиянием мемуаров Бассевича, одним из главных героев которых выступает «хитрый» барон Гёрц. Историк повторил ошибочное утверждение голштинского министра о том, будто во время Аландских переговоров шведы предложили царю оставить за собой Мекленбург (Записки о России 1886: 72).

Однако знаменитый историк признавал, что история Петра I должна быть основана на оригинальных русских источниках и поторопился заявить в начале «Истории Российской империи при Петре Великом», что она написана только (!) на этих источниках. Среди рукописей библиотеки Вольтера имеется два ману-

⁴¹ V 46. P. 419.

⁴² Библиотека Вольтера. Каталог книг. 1961. Москва; Ленинград. С. 506. №1889.

⁴³ V 47. P. 854–855.

⁴⁴ Nestesuranoi I. 1725–1726. *Mémoires de règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la Patrie*. Amsterdam; La Haye. T. 1–4.

⁴⁵ V 46. P. 386–387.

⁴⁶ Российская национальная библиотека. Библиотека Вольтера (далее – РНБ ВВ) 5–242. Т. 3. Л. 1–102.

скрипта, которые были присланы из Петербурга и имели прямое отношение к дипломатическим сюжетам последнего периода Северной войны. В «Сборнике разных анекдотов и мелочей» содержится записка «Об Аландском конгрессе в 1718 году» с продолжением «Год 1719»⁴⁷. Это своеобразный дневник работы конгресса. Главная идея, которая здесь проводится: шведская сторона сознательно затягивала переговоры, чтобы выиграть время, помешать России вести военные действия, поссорить её с союзниками, вовлечь Россию в выгодные Швеции совместные действия⁴⁸. В 1719 г. шведы выказывали ещё меньше стремления к заключению мира, предлагали лишь обмен пленными, тянули время и пытались поссорить Россию с Пруссией⁴⁹, что завело переговоры в тупик.

Рукописные «Анекдоты о переговорах между Российским и Испанским двором с 1718 года по 1720»⁵⁰ повествуют о том, как испанский посол в Гааге Л.В. Беретти-Ланди вступил в переговоры о возможном союзе с российским послом князем Б.И. Куракиным.

Сравнение рукописных текстов с соответствующим разделом вольтеровского труда приводит к выводу о том, что содержащиеся в них подробности и идеи никак не отразились на содержании «Истории Российской империи при Петре Великом». Вероятно, детали дипломатической «кухни» показались автору «Истории» слишком незначительными, а обвинения в адрес шведов – слишком тенденциозными.

* * *

Как видим, повествуя о завершающем этапе Северной войны, Ништадтском мире и рождении Российской империи, Вольтер уделял большое внимание вопросу о вовлечённости Петра I в заговор Гёрца. В «Истории Карла XII» автор недвусмысленно заявлял о причастности царя к планам Гёрца – Альберони. Ряд прямых и косвенных фактов (конфликт Петра I с союзниками, европейские слухи о готовящихся совместных действиях России и Швеции в пользу претендента на английский престол Якова Стюарта, встречи Петра и его дипломатов с якобитами, оживившиеся дипломатические контакты с Испанией, наконец, особая роль Гёрца в Аландском конгрессе) давали Вольтеру некоторые основания для подобных заявлений.

В «Истории Российской империи при Петре Великом» позиция Вольтера в этом вопросе смягчилась. Он уже не утверждал, что русский царь знал и был готов поддержать все политические проекты Гёрца. Пётр лишь воспользовался ими для скорейшего заключения выгодного мира со Швецией.

⁴⁷ РНБ БВ 5–242. Т. 2. Л. 73–76, 76–78 об.

⁴⁸ Там же. Л. 75 об.

⁴⁹ Там же. Л. 77.

⁵⁰ РНБ БВ 5–242. Т. 1. Л. 269–274 об.

Впоследствии эту позицию разделяли многие отечественные историки. Правда, историк XVIII в. И.И. Голиков, будучи горячим апологетом Петра I, категорически отрицал причастность царя к «химерическим предприятиям Герцовым» (Голиков 1794: 258). Однако привлечение новых архивных материалов не оставило сомнений в том, что Пётр был с Гёрцем «в конфиденции», и у царя были широкие внешнеполитические планы, в которые входило сближение с Испанией, создание антианглийского союза и контакты с якобинскими кругами. Основные факты такого рода были представлены уже в «Истории» С.М. Соловьёва (Соловьёв 1993: 76, 189, 268). При этом вопрос о том, как далеко готов был пойти царь в следовании планам переустройства европейской политической системы, остаётся открытым. Исследователи расходятся в его решении (Фейгина 1959: 60–61), так как все переговоры велись в «высшем секрете», и состояние источников не даёт возможности решить вопрос однозначно. Современные историки близки к вольтеровскому заключению о том, что царь использовал планы Гёрца как тактическое средство для решения собственных внешнеполитических задач.

В итоге остаётся констатировать, что большой выбор источников, умение критически оценить их, стремление сохранить известную независимость оценок при описании событий с разных сторон, приверженность исторической правде и писательский талант обеспечили трудам Вольтера высокую для его времени степень достоверности и позволили им занять достойное место в огромной мировой историографии петровской эпохи.

Об авторе:

Сергей Алексеевич Мезин – доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России и археологии Саратовского национального исследовательского государственного университета; 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83. E-mail: mezinsa@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (грант 20-09-42006).

UDC: 327
Received: May 03, 2022
Accepted: August 12, 2022

"The Founder and Father of his Empire": Voltaire on the Peace of Nystad and the Imperial Status of Russia

S.A. Mezin
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-4-85-43-59](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-4-85-43-59)

Saratov National Research State University named after N. G. Chernyshevsky

Abstract: The purpose of the paper is revealing the peculiarities of Voltaire's views on the last stage of the Northern War, ended by the Treaty of Nystad, as well as presenting the specific character of the great enlightener's evaluation of the Russian empire and its historical role. The author finds out, why Voltaire, condemning fascination with the history of wars and kings, in his two works: «The History of Charles XII» and «The History of the Russian Empire under Peter the Great» paid great attention to the Northern War and Peter I's participation in it.

The reasons of the French historian interest to the named subject are viewed in terms of the modern methods of historical analysis, «philosophical» basis of his views on war and civilization, features of historical presentation.

The paper shows Voltaire's change in attitude on interpretation of the military historical subjects, first covered in «The History of Charles XII» and then in «The History of the Russian Empire under Peter the Great». The focus of the paper is on the up to the present-day controversial issue, whether Peter I was involved in Gorth-Alberoni conspiracy, aimed at the complete political change in the appearance of Europe. The 18th century historian ultimately came to the conclusion that the Tsar had made use of Gorth's plans as a tactic means for solving his own foreign policy problems. This point of view is shared by many contemporary historians. Peter I's declaring Emperor was the direct consequence of victorious end of the Northern War. It was found that Voltaire drew a more optimistic picture of Peter I's imperial title recognition, than it actually was. According to Voltaire, the specific feature of the Russian Empire, created by Peter I, lies in the fact that it was a self-civilizing empire, bringing enlightenment on the neighboring «barbaric» peoples.

The author of the paper, reviewing specific cases, arrives at a conclusion, that Voltaire's works of high confidence for their time took a worthy standing in the world historiography of the Petrine era, due to a wide range of sources, the historian's ability for their critical assessment, his seeking to maintain a certain evaluation independence in the description of events from different perspectives, his commitment to historical truth, his talent of a writer.

The work is carried out within the project, aimed at publishing a first complete scientific edition of «The History of the Russian Empire under Peter the Great» in Russian.

Keywords: Voltaire, Peter I, G. H. von Görtz, the diplomacy of the Northern War, the Peace of Nystad, the Russian Empire, the history of Russia

About the author:

Sergey A. Mezin – Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Russian History and Archeology of the Saratov National Research State University; 410012, Saratov, Astrakhan-skaya str., 83. E-mail: mezinisa@mail.ru

Conflict of Interests:

The author declares the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (grant № 20-09-42006).

References:

- Iverson J.R. 1997. *La guerre, le grand homme et l'histoire selon Voltaire: le cas de l'Histoire de l'empire de Russie sous Pierre le Grand*. Voltaire et ses combats. Actes du congrès international. Oxford – Paris, 1994. Sous la direction de U. Kölvig et Ch. Mervaud, Oxford: Voltaire Foundation. P. 1413–1422. (In French)
- Nestésurani I. 1725–1726. *Memoires de règne de Pierre le Grand, Empereur de Russie, Père de la Patrie*. Amsterdam; La Haye. T. 1–4. (In French)
- Bagger H. 2017. *Pyotr Velikij v Danii v 1716 godu: Perelomnyj moment datsko-rossijskih otnoshenij*. [Peter the Great in Denmark in 1716: A Turning Point in Danish-Russian Relations]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. 188 p. (In Russian).
- Cherkasov P.P. 1995. *Dvuglavyj orel i korolevskie lilii. Stanovlenie russko-francuzskih otnoshenij v XVIII veke. 1700–1775*. [Double-headed Eagle and Royal Lilies. The Formation of Russian-French Relations in the 18th Century. 1700–1775]. Moscow: Nauka. 439 p.
- Fejgina S.A. 1959. *Alandskij kongress. Vneshnyaya politika Rossii v konce Severnoj vojny*. [The Aland Congress. Russian Foreign Policy at the End of the Northern War]. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR. 547 p. (In Russian).
- Golikov I.I. 1794. *Dopolnenie k Deianiiam Petra Velikogo*. [Supplement to the Acts of Peter the Great] Vol. 11. Moskva: Univ. Tip. u V. Okorokova. 508 p. (In Russian).
- Goncharova T.N. 2007. *Vol'ter – istorik Severnoj vojny* [Voltaire – Historian of the Northern War]. *Severnaya vojna, Sankt-Peterburg i Evropa v pervoj chetverti XVIII v.: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. S.-Peterburg, dekabr' 2006 g.* Saint Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta. P. 35–50. (In Russian).
- Mezin S.A. 2003. *Vzglyad iz Evropy: francuzskie avtory XVIII veka o Petre I*. [A View from Europe: French Authors of the 18th Century about Peter I]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta. 233 p. (In Russian).
- Mezin S.A. 2017. *Petr I vo Francii*. [Peter I in France]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. 320 p. (In Russian).
- Perry J. *Sostoyanie Rossii pri nyneshnem care* 1870. [The State of Russia under the Current Tsar]. Moscow: Obshchestvo istorii i drevnostej rossijskih pri Mosk. un-te. 196 p. (In Russian).
- Šmurlo E.F. 1929. *Vol'ter i ego kniga o Petre Velikom*. [Voltaire and his Book about Peter the Great]. Praha: Orbis. 489 p.
- Solov'ev S.M. 1993. *Sochineniya*. [Works]. V 18 kn. Kn. IX: *Istoriya Rossii s drevnejshih vremen*. Vol. 17–18. Moscow: Mysl'. 671 p. (In Russian).
- Sterlikova A. 2007. Pozovite Gerca, staren'kogo Gerca... Pyotr i «yakovitskaya intriga» [Call Görtz, old Görtz... Peter and the "Yakovitskaya intrigue"]. *Rodina*. №11. P. 66–68. (In Russian).

Waegemans E. 2013. *Car' v Respublike. Vtoroe puteshestvie Petra Velikogo v Niderlandy. (1716–1717)*. [The Tsar is in the Republic. The Second Journey of Peter the Great to the Netherlands. (1716–1717)]. Saint Petersburg: Evropejskij Dom. 256 p. (In Russian).

Zapiski o Rossii pri Petre Velikom, izvlechennye iz bumag grafa Bassevicha 1866. [Notes on Russia under Peter the Great, Extracted from the Papers of Count Bassewitz]. Moscow: V tipografii Gracheva i K. 186 stb. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Баггер Х. 2017. *Пётр Великий в Дании в 1716 году: Переломный момент датско-российских отношений*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 188 с.

Вагеманс Э. 2013. *Царь в Республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды. (1716–1717)*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 256 с.

Голиков И.И. 1794. *Дополнение к Деяниям Петра Великого*. Т. 11. Москва: Унив. тип., у В. Острокова. 508 с.

Гончарова Т.Н. 2007. Вольтер – историк Северной войны. *Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в.: Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та. С. 35–50.

Записки о России при Петре Великом, извлеченные из бумаг графа Басевича. 1866. Москва: В типографии Грачева и К. 186 стб.

Мезин С.А. 2003. *Взгляд из Европы: французские авторы XVIII века о Петре I*. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та. 233 с.

Мезин С.А. 2017. *Петр I во Франции*. Санкт-Петербург: Европейский Дом. 320 с.

Перри Д. *Состояние России при нынешнем царе*. 1870. Москва: Общество истории и древностей российских при Моск. ун-те. 196 с.

Соловьев С.М. 1993. *Сочинения*. В 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. Т. 17–18. Москва: Мысль. 671 с.

Стерликова А. 2007. Позовите Герца, старенького Герца... Пётр и «яковитская интрига». *Родина*. №11. С. 66–68.

Фейгина С.А. 1959. *Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны*. Москва: Изд-во Академии наук СССР. 547 с.

Черкасов П.П. 1995. *Двуглавый орел и королевские лилии. Становление русско-французских отношений в XVIII веке. 1700–1775*. Москва: Наука. 439 с.

Шмурло Е.Ф. 1929. *Вольтер и его книга о Петре Великом*. Прага: Orbis. 489 с.